

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Симпозиум

Неолитические жилища

Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 года

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

SAMARA STATE UNIVERSITY OF SOCIAL SCIENCES AND
EDUCATION

Symposium

Neolithic Dwellings

Saint-Petersburg, May 17–18, 2021

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Симпозиум

Неолитические жилища

Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 года

Утверждено к печати Учёным советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of IHMC RAS

Редакционная коллегия: д.и.н. А.А. Выборнов, д.и.н. Е.М. Колпаков, к.и.н. Е.С. Ткач
Editorial Board: Aleksander Vybornov, Dr. of History; Eugeniy Kolpakov, Dr. of History; Evgenia Tkach, Candidate of History

Рецензенты: А.Ю. Тарасов, к.и.н. (КарНЦ РАН), О.В. Лозовская к.и.н. (ИИМК РАН)
Reviewers: Alexey Tarasov, Candidate of History (KRC RAS), Olga Lozovskaya (IHMC RAS), Candidate of History

Оргкомитет симпозиума: д.и.н. А.А. Выборнов, д.и.н. Е.М. Колпаков, к.и.н. В.Я. Шумкин.
к.и.н. Е.С. Ткач, А.М. Киселева
Organizing Committee: Aleksander Vybornov, Dr. of History; Eugeniy Kolpakov, Dr. of History;
Vladimir Shumkin, Candidate of History; Evgenia Tkach, Candidate of History; Alevtina Kiseleva

Неолитические жилища : Neolithic Dwellings

Материалы международного симпозиума; ИИМК РАН, СПб. – СПб.: Изд-во «Невская типография», 2021. – 48 с.

Transactions of the international symposium; IHMC RAS, SSUSSE. – St. Petersburg: “Nevskaya Tipografia” Publ., 2021 – 48 p.

Сборник материалов докладов, представленных на международном симпозиуме «Неолитические жилища» (17–18 мая 2021 г.). Доклады затрагивают различные вопросы, связанные с выделением и интерпретацией жилищных конструкций в мезолите и неолите. Представленные в сборнике материалы охватывают широкий географический диапазон — от Прибалтики до Камчатки.

Книга рассчитана на представителей гуманитарных наук (археологов, историков, этнографов и др.) и специалистов смежных дисциплин, студентов гуманитарных факультетов вузов, а также широкий круг читателей, интересующихся гуманитарным знанием.

Collection of works of the International Symposium “Neolithic Dwellings” includes the works of the participants of the symposium held on May 17–18, 2021, in Saint-Petersburg, at the Institute for the History of Material Culture RAS. Reports cover the different questions, connected with identification and interpretation of the dwelling constructions during Mesolithic and Neolithic. Geographically, the studies presented in the collection comprise an expensive territory — from Baltic Coast to Kamchatka.

The book is designed for a wide range of researchers in the humanities (archaeologists, historians, ethnographers) and experts in allied subjects, humanities degree students, and all readers interested in humanitarian knowledge in general.

На обложке раскопки жилища на поселении Завалишина 5 (Териберка 2010, фото Е.М. Колпакова)
On the cover the excavation of dwelling No. 9, Zavalishina 5 (Teriberka 2010, photo by Eugeniy Kolpakov)

ISBN: 978-5-907298-18

@Институт истории материальной культуры РАН

@Самарский государственный социально-педагогический университет

doi.org/10.31600 978-5-907298-18

@Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Сидоров РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЛИЩА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ	8
А.А. Выборнов КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩ НЕОЛИТА В РАЗЛИЧНЫХ ЛАНДШАФТНЫХ ЗОНАХ	16
Е.В. Долбунова, А.В. Ларионова, А.Н. Мазуркевич ОСТАТКИ КОНСТРУКЦИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗОНЫ РАННЕГО НЕОЛИТА НА ПОСЕЛЕНИИ РАКУШЕЧНЫЙ ЯР	18
М. Калныньш, В. Берзиньш ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ВОСТОЧНОЙ БАЛТИКИ В 4 ТЫС. ДО Н.Э.: ПРИМЕР СТОЯНКИ САРНАТЕ	19
А.Н. Мазуркевич, Й. Мэгро, П. Киттель, Е.В. Долбунова ОСТАТКИ КОНСТРУКЦИЙ 5/4–3 ТЫС. ДО Н.Э. В ВЕРХНЕМ ПОДВИНЬЕ	21
Э.Б. Зальцман ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ ПРИМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ	22
Л.Л. Косинская ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО В НЕОЛИТЕ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ЛЕСНАЯ ЗОНА): ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА	24
Д.Н. Еньшин, С.Н. Скочина ДОМОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ	25
А.С. Кудашов ЖИЛИЩА МЕЗОЛИТА И РАННЕГО НЕОЛИТА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ	25

Е.Л. Лычагина ЖИЛИЩА КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ	26
M. Skandfer, Ch. Damm, J. M. Gjerde HOUSE-PIT SITES IN NORTHERN NORWAY. DOCUMENTING FORMAL VARIABILITY AND ENVIRONMENTAL CHARACTERISTICS	27
Е.М. Колпаков, А.М. Киселёва, В.Я. Шумкин ДРЕВНИЕ ЖИЛИЩА СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ	28
В.Н. Карманов СЛЕДЫ И ОСТАТКИ ЖИЛИЩ КАК ВИДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ)	29
Н.А. Кренке, К.А. Ганичев, Е.В. Долбунова, А.Н. Мазуркевич, М.М. Певзнер, С.Н. Чаукин, В.А. Чаукина «БОЛЬШИЕ ДОМА» КАМЧАТСКИХ АБОРИГЕНОВ	30
К.М. Андреев ЖИЛИЩНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЕЛШАНСКОЙ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	31
А.И. Юдин НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ СТОЯНКИ	32
А.М. Скоробогатов ДАННЫЕ О ПОСТРОЙКАХ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НА ПАМЯТНИКАХ НЕОЛИТА–ЭНЕОЛИТА СРЕДНЕГО ДОНА	33
Р.В. Смольянинов, Е.С. Юркина, А.А. Куличков ПОСТРОЙКА ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ВАСИЛЬЕВСКИЙ КОРДОН 1 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ	34
В.В. Ставицкий К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ЖИЛИЩ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ	35

Г.В. Сеницына ЖИЛИЩА ВАЛДАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА МЕЗОЛИТА - РАННЕГО НЕОЛИТА	36
Н.В. Косорукова, В.А. Лукинцева, Т.С. Гринина ЭЛЕМЕНТЫ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА НА РЯДЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МОЛОГО- ШЕКСНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	38
А.М. Жульников ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛУЗЕМЛЯНОЧНЫХ ЖИЛИЩ В БАССЕЙНЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА НА РУБЕЖЕ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА	39
Д.В. Герасимов, Е.С. Ткач, А.С. Тараканов, М.А. Холкина, Р.И. Муравьев КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ ДРЕВНЕГО ЖИЛИЩА НА СТОЯНКЕ БЕРЁЗОВО 2 В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ	40
И.Ю. Хрусталёва, А. Крийска АРХИТЕКТУРА КАМЕННОГО ВЕКА ЭСТОНИИ	42
Е.А. Кашина, А.В. Емельянов НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ЗАПОЛНЕНИЯ КОТЛОВАНОВ ВОЛОСОВСКИХ ЖИЛИЩ БАССЕЙНА СРЕДНЕЙ ОКИ	43
И.М. Тимушева НЕО–ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ	44
Е.С. Яковлева НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ	45
Г.К. Данилов КОЛЬЦЕВЫЕ ВЫКЛАДКИ НАЗЕМНЫХ ЖИЛИЩ ЗАПАДНОЙ ЧУКОТКИ: ОТ НЕОЛИТА К СОВРЕМЕННОСТИ	46
Список сокращений	48

От редколлегии

Распространение долговременных жилищ является одним из ярких проявлений процесса неолитизации. Типология жилых сооружений имеет важное значение при выделении археологических культур. Переход к социально-экономической интерпретации археологических данных возможен только на основе всестороннего анализа элементов конструкции и организации жилого пространства и структуры поселений. Раскопки жилищ требуют применения специфических подходов и приёмов.

В рамках симпозиума «Неолитические жилища», организованного Институтом истории материальной культуры РАН и Самарским государственным социально-педагогическим университетом в 2021 году, рассмотрены следующие темы: методы и особенности раскопок жилищ, конструкции жилищ, организация пространства внутри и вне жилища, локальные и хронологические типы жилых конструкций, эволюция жилищ и строительных технологий.

В сборнике представлены тезисы выступлений ведущих исследователей из России, Латвии и Норвегии. Представленные на симпозиуме доклады охватывают широкий географический диапазон: от Прибалтики до Камчатки.

Целью данного симпозиума является обобщение проблем выделения, изучения в полевых и кабинетных условиях, интерпретации жилищ и их конструктивных элементов в позднем каменном веке.

А.А. Выборнов, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач

Foreword

The spread of permanent dwellings is one of the clearest manifestations of the Neolithisation process. Dwelling typology is essential in distinguishing archaeological cultures. A transition to a socio-economic interpretation of archaeological data is possible based on a comprehensive analysis of the structural features and spatial organisation of living space and settlement. Excavations of dwellings require specific approaches and techniques.

The Neolithic Dwellings Symposium 2021, organised by the Institute for the Material Culture History of the Russian Academy of Sciences and Samara State Social and Pedagogical University, covered the following topics: methods and aspects of excavations of dwellings, dwelling structures, organisation of space inside and outside dwellings, local and chronological dwelling types, development of dwellings and building technologies.

The book contains abstracts by leading researchers from Russia, Latvia and Norway. The papers presented at the Symposium cover a wide geographical range, from the Baltic Sea region to Kamchatka.

The Symposium aims to summarise issues of identification, field and desk studies, and interpretation of dwellings and their structural features in the Late Stone Age.

A.A. Vybornov, E.M. Kolpakov, E.S. Tkach

Translation by A.M. Kiseleva

В.В. Сидоров

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЛИЩА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Мы животные тропические — существуем вне своей родной, исходной среды благодаря тому, что научились, то есть ввели в культуру навыки создания искусственной среды, обеспечивающей достаточный биологический комфорт. Уровень комфорта и средства его достижения — важнейшие детали оценки эффективности культуры. Следы этих навыков как частей культуры мы и прослеживаем при изучении поселений. Но у сохранившихся источников, по которым мы их узнаём, есть проблемы с их распознаванием. Неверное прочтение следов ведет к построению фантастических реконструкций. Подсказки бывают со стороны этнографии, и нередко встречается подобное иллюстрирование археологических реконструкций этнографическими примерами. Образ жилищ нам задает этнография и нередко он бывает фантастическим, вроде круглых землянок у В.А. Городцова. Подменять археологию этнографией не стоит, хотя наблюдая этнографию, мы имеем возможность читать следы археологизированной действительности.

Сохранность источника зависит от природного фактора: природа часто стирает следы — формируется почва, норы, делювий разрушает склоны. Необходимо учесть воздействие человека: мест, пригодных для поселения, не так много, и наложение следов друг на друга стирает и искажает предшествовавшие, разрушает археологический материал, в том числе такой устойчивый как керамика. Поселение могло существовать века, длительность существования дома — в пределах 30 лет. А выделить раскопками удастся лишь несколько построек. Третий фактор — техника исследования, наблюдательность.

Сезонность. В зоне умеренного климата четко выражена сезонность. Жилище не бывает всесезонным — слишком по-разному приходится противостоять природным разносезонным неудобствам. Жилища различаются степенью утепления, организацией хранения запасов, длительностью пребывания в доме, распределением на территории отходов. В зимнем жилище вне дома культурный слой почти не выражен. Летние дома не углублены в грунт. Даже если поселение всесезонное, то участки разносезонного обитания на нем используются и оборудуются не одинаково. Летнее поселение обычно связано с водой, с берегом, с лодкой. Жилище в стороне от берега, в лесу, летним быть не может. Это — разный образ жизни. Сотни поселений на Севере, в Западной Сибири бывают определяемы именно по западинам жилищ, расположенных в глубине леса. Но это значит, что летних поселений тут просто не изучают. Сохранились

ли они? Для Севера — не факт: они могли быть ориентированы на берега рек, многократно переработанных при изменении русел. Ориентация разведок на рельефные следы постройки исключает поиски таких памятников. В средней полосе реки более устойчивы в руслах. Они сложились уже в начале голоцена и не так уж размывают берега.

Льяловские летние поселения отличаются почти полным отсутствием столбовых ям. Нет на них и ям хозяйственных. Загадку отсутствия столбов позволили решить наблюдения в Воймежном 1: слой пола с развалами сосудов лежал непосредственно на комлях деревьев. То есть дом был синхронен этим деревьям, которые можно использовать для устройства крыши шалашеобразной постройки.

Слой пола — обязательная часть дома. Он формируется из перемешивания слоя жилой поверхности, обрушения стенок, выброса ям, очажного мусора, равно и в наземном, и в углубленном жилище. В углубленном он тот же по составу (пестроцвет с примесью золы), контуры его резко обрываются. Основным признаком пола — горизонтальность, зола и присутствие очага. Но когда пол выше фоновой поверхности, его касаются делювиальные процессы и контуры оказываются размыты.

До средневековых домов настилов полов не зафиксировано. Пол жилищ в неолите грунтовый, в каширских домах (во всех) с VI в. до н.э. и некоторых дяковских жилищах пол глиняный. Первый раз появление настила предполагается в 3–2 вв. до н.э. на Мутенковском городище, когда исчезают глиняные полы и перестают накапливаться слои навоза на площадках городищ. Литология пола своеобразна. Она формируется в замкнутом пространстве. Атмосферные осадки на нее не действуют, пока есть крыша. Особые свойства пола — его горизонтальность и утоптанность. Их необходимо учитывать в раскопках.

Пол жилого дома не может быть завален крупными черепками, осколками очажных камней, костями. Их появление свидетельствует о том, что тут уже не жили, место дома стало свалкой. Утоптанность может читаться по относительной влажности слоя, которая видна по изменению окраски: пол медленнее сохнет. Пол надежно улавливается при строгой горизонтальности поверхности раскопа, когда зачистка открывает разом крупный массив пятна с горизонтальным простираем. При перепадах высот более 5 см надо предполагать ступеньку. В пределах одного помещения особо уплотнено пространство возле входа — здесь бывает протоптано нечеткое углубление. И наоборот, пространство непосредственно у стен не утопано и там накапливается бытовой мусор. Высшая точка пола — очаг. При исследовании жилищ первым признаком пола оказывается появление очага как концентрического рисунка пирогенных слоев. Ему может предшествовать слой заполнения уже

покинутого жилища, материал которого относится или к более позднему комплексу, или — к обрушению стенок, которое доставит на поверхность пола материал предшествовавшего этапа. Затем проявляются полосы пола под стенами, обычно повышенной зольностью. Появление пятен ям показывает, что слой пола кончился, хотя некоторое количество материала комплекса жилища оказывается втоптанно в слой под полом, но обычно это результат осадки заполнения ям — пол над ними и вокруг прогибается. В границы пола жилища надо зачислять и ту часть, на которую налегает оползший слой, иногда материковый, со стенок котлована.

Хороший маркер поверхности — площадной развал сосуда. Сохранность таких развалов плохая — они слишком растоптаны. Горизонтально лежащая керамика вообще сохраняется гораздо хуже. Если развал хорошо сохранился — это значит, что сосуд был в ямке, которую, увлекшись расчисткой керамики, редко замечают. Сохраниться развал сосуда мог у стенки котлована, при достаточной высоте этой стенки. В ямках, под стенкой и на плечиках котлована могли располагаться хранилища. Но ямка с сосудом у очага относится уже к кухне. Готовить можно бывает и в чинёных сосудах.

Очаг. Нет дома без очага. Откуда появляются постройки без следов очага, истолковываемые как летние или хозяйственные? Дело в том, что исследователь начинает искать очаг, когда проявились ямы. Но очаг всегда выше пола [Жульников 2003] и если уж пошли ямы — очаг давно пройден. Может и не иметь следов прокала, если очаг достаточно высок. Очаг без тяги будет дымить, но не гореть, а в яме — он требует усиленной вентиляции. На полу тоже трудно обеспечить его устойчивое горение. Требуется подводить воздухопроводные каналы [Карманов 2018] или припечные ямы. Обычно же очаг — это куча песка, иногда в деревянной раме. Ту же роль может играть каменная обкладка. В углубленных домах для очага остается материковый целик. В отчётах, особенно сибирских, и публикациях приходится встречаться с полным непониманием того, как формируются слои очага. Углистость — не признак очага: уголь — показатель неполного сгорания. В очаге должна быть зола, но не уголь.

Закрытый очаг мог быть каменный и глиняный — лепленный на прутьевом каркасе, с добавкой вмазанных камней, печь-каменка или вырезанный из суглинистого целика, но чаще всего — это песчаная насыпь.

В средневековых домах обычны погреба, которые тоже обеспечивают тягу. Нередко печка сваливается в погреб, а если она на деревянном опечке, то при этом оказывается не так уж разрушена. В старых публикациях такие случаи превращаются в землянку с печью. Очаг — не только отопление, но также и кухонный атрибут, и производственный объект. Требуется

выяснить, как он выполнял эти функции. Готовка с помощью раскалённых камней зафиксирована на поздняковском поселении Дмитриевская Слобода 2. Рядом с открытыми очагами в ямках были установлены сосуды, всечиненные, и тоже в ямах — кучи прокалённых камней. Производственный очаг — был в верхнем по склону углу под стенкой котлована жилища 2 — чувал.

Котлован определяется рельефом, гунтом, грунтовыми и поверхностными водами — вода не должна попадать в котлован. При повышенной влажности велика теплоотдача, хуже сохраняются запасы и оборудование. Песчаные грунты суше, но стенки осыпаются и нуждаются в обшивке. Тёмные полосы под стенкой котлована нередко принимаются за венец сруба, опущенного в котлован. Но сруб в котловане сгниёт за 2–4 года. Он будет собирать поверхностные воды, направлять их в жилище. Не менее нелепо смотрится чум, поставленный в котлован — у него все осадки будут в доме. За наклонные столбы чума принимаются оплывающие на пол борта котлована. Очень подозрительно смотрятся наклонные ямы: выкопать яму наклонно невозможно, но столб наклонно установить в обычной яме вполне реально. Обшивка стенок котлована возможна как горизонтально уложенными бревнами, таки вертикальными (или наклонными наружу) жердями, которые тоже приходится закреплять горизонтальной жердью. Это надо определить серией продольных и поперечных разрезов.

Неправильной формы, с резкими изгибами плана котлован почти наверняка указывает на непрослеженное наложение друг на друга планов одновременных жилищ.

Проблема теплового тамбура не решена ещё в жилищах многих культур (чеченская поговорка «у него бревно в доме!» — то есть дрова, подававшиеся от порога, уже не мешают закрыть дверь и сберечь тепло — символ достигнутого комфорта. Этнолог Я.В. Чеснов). Её не решают в промысловых постройках, зимниках. Но вход-тамбур есть в жилищах волосовской культуры — длинный коридорообразный вход в среднем 2,5 м и около 1 м ширины. Иногда бывают два таких тамбур-коридора. Но синхронны ли они? Ту же задачу решали соединением жилищ в цепочки.

Стены нередко определяются как «каркасно-столбовая конструкция». Но применим ли этот термин к нашим памятникам и что именно имеется в виду? Цепочки столбов, в которые закреплён в пазы набор из маломерного леса? Такая наборная стена применяется и в наши дни для вспомогательных хозяйственных построек для экономии качественного строительного леса. Это возможно было бы, если бы диаметр опорных столбов, в которых надо прорубать паз, был близок к диаметру ям — хотя бы 16–18 см. Но сохранившиеся в ямах волосовских жилищ столбы для

этого не пригодны — их диаметр не более 10 см. Столбово-каркасными постройками называют фахверковый тип — с каркасом стен из столбов и балок с заполнением стен блоками из дешёвых объёмных материалов. Но следов фахверкового домостроительства нет в культурах Восточной Европы.

Отсутствие опорных столбов в линии прямых стен истолковывается часто доказательством наличия сруба — конструкции сложной. На каширских городищах срубы начинают появляться в VI–V вв. до н.э., заменяя плетнёвую конструкцию стен. В дьяковской культуре сруб не доказан. Финская этнография показывает длительное сохранение конструкции стен, набранных из вертикально или наклонно поставленных жердей [Соколова 1988]. Признаком плетня являются часто — с интервалом в среднем 0,5 м — цепочки таких столбов регулярно поставленных в канавках у стен дьяковских жилищ [Сыроватко, Сыроватко 2013] — установленные колья диаметром 5–9 см. Забить колья для плетня должной для жилища высоты за 2 м в суглинок невозможно. Именно поэтому стены плетневые ставились в копанную канавку. Плетнёвые стены окружают поздняяковские жилища.

Мазанка. Но плетнёвые стены не способны держать тепло без обмазки. Чем? Если это глина — она останется на месте разрушенных стен. Упоминание обмазки — дань традиции и доказательства не представлены. Следы обмазки есть только у одной постройки городища Настасьино. Глиняных линз по контуру жилищ нет на городищах. Обмазка может быть и навозом, благо скота достаточно, возможно, с небольшой примесью глины, ила. Такая смесь может не распознаваться как саман. Утеплить стены могут шкуры, циновки, но скорее уж как дополнение к обмазке. Но то, что стены не были бревенчатыми, видно по отсутствию признаков стен на пожарищах. А вот крыши в пожарищах проявляются.

Крыша отражена в столбах, которые её держали. Сруб может быть опорой крыши, но каркасное строение требует столбов. При этом нагрузка бывает не только вертикальная, но и боковая, которой должны противостоять наклонные подпорки и горизонтальные связи. Крыша должна быть наклонной, чтобы не задерживать сток воды, кроме того, необходима амортизация снеговой нагрузки, которая в наших краях может быть до 100 кг на кв.м. Это ограничивает длину пролета между опорами и ширину постройки: для льяловских жилищ норма ширины 6–7 м, для волосовских, у которых есть промежуточные ряды столбов, 6–9 м [Сидоров 2002]. Длина постройки при использовании стандартных секций не ограничена. Характерно, что в железном веке и при переходе к срубам ширина дома уменьшается. Возможно, с переходом к конструкции из

горизонтальных бревен как опоры крыши. Этот стандарт — 4–6 м ширины — сохраняется для клетки. Это зависит от качества строительных материалов.

Опорой крыши волосовского дома служит центральный ряд столбов толщиной в комле 8–10 см, несущий коньковую балку. Продолжение ее совпадает с крышей тамбура-входа. Четыре столба образуют каркас опоры крыши, которая лежит на балке и на связях между каркасными столбами. Наклонные стенки уложены верхними концами на связи, нижними концами упираются в грунт вне котлована, полностью его перекрывая. Ряды подпорных столбов идут в среднем в 1 м от стенок котлована, подпирая наклонные стенки. Диагональные связи всех столбов делают конструкцию жесткой, несмотря на то, что сами столбы связи, по сути, жерди, на верхних концах имеют не более 5 см в диаметре.

Кроющий материал для наклонных стен волосовских домов — горбыль, который они умели скалывать со стоящих деревьев, — пластины длиной до 2 м при ширине 15–20 см. Верхняя часть могла перекрываться берестой или липовым корьем, уложенным как китайская черепица. Пласты коры регулярно встречаются в оторфованном слое. Более сомнителен тростник. По крайней мере, в волосовских комплексах нет орудий с соответствующими срезанию камыша следами — ножей с заполировкой, аналогичной серпам.

Разрезы столбовых ям показывают разную технику копки ямы, которая при реконструкции не учитывается. Глубина их от пола обозначает требования устойчивости конструкции в момент сооружения (в уже построенном каркасе она компенсируется всей связанной конструкцией и её весом). В тех случаях, когда при засыпке ямы применялся контрастный грунт или забутовка, удаётся увидеть разрез самого столба. Но для этого требуется тщательная вертикальная зачистка, а не выборка ямы. Столбовые ямы, засыпанные материковым грунтом, относятся к моменту строительства дома. Заполнение культурным слоем, особенно — отложениями пола с очажным мусором — часто толкуются как отопительные ямы, но это из области профессиональных мифов — это след ремонта действующего дома. Ямы с нависающими краями (грушевидные) — показатель утоптанности слоя вокруг них. Соседние ямы надо исследовать общим разрезом, который может показать последовательности их функционирования.

Хозяйственные ямы — очень содержательный источник, который при нынешней технике фиксации остаётся не востребован. Смысл их, почти во всех отчётах, очерченных пустым абрисом, остается неизвестен. При

достаточно большом диаметре и глубине от 0,5 м яма готова предъявить условия своего функционирования и заполнения.

Раскопки поздняяковского поселения Дмитриевская Слобода 2 дали возможность проследить серийно конструкцию домов, существенно отличающуюся от волосовской. Но и по характеру хозяйства, и по выбору мест для поселений они далеки от волосовцев, специализированных рыболовов-охотников с неолитической техникой. Поздняковцы вели подсечно-огневое земледелие с придомным скотоводством, имели бронзовые орудия, селились на высоких террасах, на границе с поймой с дубравами, и плато.

Три дома стояли веером, верхние их концы врезались в склон не более 0,6 м, хотя перепад высот достигал 1,5 м — пол был ступенчатый. Жилое пространство занимало котлован 9–10 м шириной и длиной до 16,5 м, делившийся на секции. Ряды столбов для коньковой балки не было. Такого рода постройка с чётным числом продольных рядов столбов определяется как базилика. По центру шло два ряда по 5–6 столбов максимальной глубины (0,8–1,3 м) и диаметра. Большая глубина показывает, что это были самые высокие столбы. Столбы второго порядка стояли под стенками котлована. Согласовано с ними шли ряды столбов вне котлована на расстоянии от него 1,5–2 м, глубина их была еще меньше. Это гульбище могло иметь общую крышу с жилищем, но не было углублено и не входило в жилое пространство. Оно могло быть и стойлом для скота, и амбаром. Необычно высокая крыша могла работать как сушило, рига для сушки снопов. Такой же ряд столбов окружал и верхний конец котлована. Нижние концы построек выходили на площадку у края оврага и здесь устройство входа не составляло сложности.

Поселение было сожжено. Большинство угля из пожарища оказалось дубом. Хвойных пород вообще не было. Обугленные детали относились к кровле, перпендикулярно стенам, у которых они были найдены. Угля от стен не найдено. Но если крыша прогорала не полностью, значит, что-то мешало огню. Это мог быть дёрн на крыше. Обилие и рыхлость прокала могли происходить из того же дёрна.

Кухонный очаг был один в каждом доме — в центре центрального нефа. В двух случаях он прослеживался как пятна прокала на полу с линзами прокалённого суглинка. В жилище 1 очаг окружало подковообразное углубление, то есть он помещен на целик. Эти очаги были кухонными — при них были ямы, в которых были установлены сосуды, и ямы, куда скидывали пережжённые камни.

Необычно место очага в верхнем углу котлована у самой стенки, но мощность прокала поверх пола и пласта угля была 20–30 см. Это может быть только чувал, врезанный в стенку котлована. Сосудов при нем не

было. Более вероятна его связь с металлургией. Во всяком случае, концентрация в слое кальцинированных костей на поселении Песшня 1 коррелируется именно с плавкой меди.

Вход в жилища мог быть только со стороны площадки над оврагом — здесь полы домов выходили на поверхность. Очень мала вероятность того, что на городищах, при достаточно крутом падении их площадок, положение входа было иное.

Серийно исследованы дома каширской культуры I тыс. до н.э. Их размеры те же, что у дяковских — в среднем 15 кв.м. Их особенность — глиняные полы, очаги, окружённые глиняными валиками. Но каждый дом сочетается с глубокими ямами и вплотную к дому. В некоторых случаях они в виде траншеи, в ямах оборудован такой же очаг, как в доме. Ни на одном дяковском городище таких ям нет. То есть это какая-то хозяйственная часть каждого дома, вероятно, связанная с сушкой урожая, то есть рига. С такой пристройкой дом составит 25 кв.м. На раннем этапе дома были с плетнёвыми стенами. С V в. до н.э. на глиняном основании сохранились отпечатки срубов из брёвен около 15 см. На позднем этапе можно ожидать появления настилов полов и очагов с каменной обкладкой. В это же время прекращается содержание скота на городище. Такой момент фиксируется и на дяковских городищах.

Жилище не очерчивается углублённым котлованом. Уже в волосовском доме оно включает пространство между котлованом и наклонными стенами шириной до 1 м. В поздняяковских домах [Сидоров 2014] оно играет роль утепления жилого помещения. У дяковских жилищ, проявленных на городище Настасьино, жилое пространство соединено с узкими коридорчиками, которые могли играть роль стойла.

Поздние дяковские, мощинские, зарубинецкие жилища углублены обычно на 30 см, размеры их около 10–12 кв.м (квадрат 3,5×3,5 м). Такие жилища серийно исследованы. Но весь ли это дом? Значительную часть пола занимает печь-каменка. Остального пространства не достаточно даже как спального места. Печь стоит в углу котлована, стены которого в нижней части обшиты жердями. Но вплотную к стене печь-каменка неизбежно приведёт к пожару. Но если поставить сруб с отступом от котлована — появятся полаты на уровне дневной поверхности, хорошо обогреваемые печью. Эти же основания для реконструкции жилищ с отступом стен от котлована приводит Квитковский В.И. [2014]. Но это будет дом не менее 22 кв.м. Эта часть обычно распахана и не включается в состав жилища. Дело за памятниками, у которых хорошо сохранилась дневная поверхность вокруг углублённой части дома.

Реконструкция жилища — задача комплексная — на пересечении археологии и этнографии. При этом нет специфики для отдельных эпох как

неолит, железный век, средневековье. Продуктивность набора орудий здесь мы не рассматриваем хотя бы потому, что они в основном были деревянными, данных о них не хватает. Специфика только в разной производительности средств производства. Фактический материал, поставляемый полевыми исследованиями, документирует средства решения стандартных задач, определяемых социо-биологическими свойствами человека, природно-климатическим фактором, свойствами доступных в данных конкретных условиях человеку материалов. И эту доступность материалов и технологий тоже выявлять приходится средствами археологии.

Литература

- Жульников А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003.
- Карманов В.Н. Поселение эпохи раннего металла Ваднюр 1 на Средней Вычегде (по материалам раскопок 2014 г.) // Проблемы археологического изучения Северо-Востока Европы. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 20. Сыктывкар, 2018. С. 55–85.
- Квитковский В.И. К вопросу о конструкциях стен в жилищах салтовомаяцкой культуры лесостепного Подонцовья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк, 2014. С. 449–457.
- Сидоров В.В. Волосовские жилища поселений Маслово Болото // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 348–362.
- Сидоров В.В. Реконструкция жилищ поздняяковской культуры // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк, 2014. С. 294–302.
- Соколов З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.
- Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С. К вопросу об облике построек Троицкого городища // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013. С. 399–402.

Сидоров Владимир Владимирович — Институт археологии РАН, г. Москва, Россия (gav-lupus@rambler.ru)

А.А. Выборнов

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩ НЕОЛИТА В РАЗЛИЧНЫХ ЛАНДШАФТНЫХ ЗОНАХ

Исследователи включали постройки в компоненты неолитической культуры, но их своеобразие могло трактоваться хозяйственно-

природными особенностями [Фосс 1952]. В то же время отмечалось, что даже в одинаковой ландшафтной среде у различных культур обнаружены сходные жилища [Третьяков 1972]. Следует учитывать, что в первом случае, 70 лет назад, количество неолитических жилищ даже в лесной полосе было крайне мало, а в южных регионах они были почти неизвестны. Ситуация мало изменилась и полвека назад, поэтому в качестве примера были взяты гаринско-борские и волосовские древности. С изменением источниковой базы можно более подробно рассматривать этот вопрос. Способствовало этому и установление возраста сооружений, что позволяет сравнивать одновременные явления. В раннем неолите полупустынного Северного Прикаспия представлены жилища подовальной формы, около 20 кв.м, углублённые в материк на различную глубину, содержащие очаги и ямы. Аналогичные постройки фиксируются в этот период и в Северо-Западном Прикаспии. Комплексы этих регионов относятся к разным культурам. В то же время, учитывая неизменчивость их параметров на протяжении 500 лет, можно сделать вывод о стабильности данного компонента. Поэтому вышеперечисленные признаки могут характеризовать жилища данной ландшафтной зоны. К сходной природной нише относится кельтеминарская культура. Но остатки сооружений значительно отличаются от прикаспийских [Виноградов 1981]. Причинами этому могут служить не столько природный фактор, сколько характер памятника, его функциональное назначение и сезонность.

Остатки жилищных построек степного Поволжья прослежены на всем протяжении развития орловской культуры [Юдин 2004]. Они имели прямоугольную форму, достаточно крупные размеры, большую углублённость в материк, очаги и ямы, включая столбовые, посыпку охрой дна жилища. Эти характеристики значительно отличают постройки данного региона от прикаспийских. Причины могут быть связаны со спецификой хозяйства, продолжительностью обитания на памятнике и культурными традициями.

В раннем неолите лесостепного Поволжья остатки сооружений елшанской культуры характеризуются небольшими размерами, слабым углублением в материк, подквадратной или подпрямоугольной формой, без системы очагов и ям. Увеличение размеров, появление очагов и ям фиксируется на позднем этапе развития [Андреев, Выборнов 2017]. Данные характеристики могут трактоваться, как следствие своеобразия ведения хозяйства и культурной специфики.

В лесном Среднем и Верхнем Прикамье ранние постройки имеют подпрямоугольную форму, слабую углублённость в материк, средние размеры, выход, очаг и ямы. На развитом и позднем этапах укрупняются размеры, усложняются внутри жилищные элементы [Лычагина 2020]. В это

же время, в Нижнем Прикамье жилища подквадратной формы, небольших размеров, слабо заглублённые, с очагом и ямами [Халиков 1969]. Одна культура в сходной природной зоне имеет определённые различия в домостроительстве.

Таким образом, значение жилищ для изучения неолита достаточно весомо.

Литература

- Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья. Самара, 2017.
- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981.
- Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь, 2020.
- Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.
- Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР. — Материалы и исследования по археологии СССР, 29. М.–Л., 1952.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.

Выборнов Александр Алексеевич — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия (vibornov_kin@mail.ru)

Е.В. Долбунова, А.В. Ларионова, А.Н. Мазуркевич

ОСТАТКИ КОНСТРУКЦИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗОНЫ РАННЕГО НЕОЛИТА НА ПОСЕЛЕНИИ РАКУШЕЧНЫЙ ЯР

Памятник Ракушечный Яр является одним из ключевых ранненеолитических памятников юга Восточной Европы. Литологические напластования, надёжно законсервировавшие культурные слои неолита–энеолита, достигают мощности более 6 м. Особенность формирования культурных слоёв и наличие стерильных микропрослоек позволяют выстраивать микрохронологию для этого памятника, выявлять изменения в организации поселения, конструкций и расположения функциональных зон.

Для ранненеолитических слоёв было выявлено несколько объектов и остатков различных конструкций — это раковинные кучи, где были найдены многочисленные рыбы кости, угли и артефакты, а также остатки

ям с несколькими уровнями заполнения створками раковин *Unio* и *Viviparus*. Остатки конструкций маркируются рядами столбовых и кольевых ям, часть из которых может относиться к рыболовным приспособлениям. Жилые конструкции представлены остатками глинобитных построек, засвидетельствованными в верхних ранненеолитических слоях.

Анализ распределения артефактов и экофактов и планов отдельных слоёв на основе архивных материалов позволил очертить границы скоплений, описать взаиморасположение объектов в культурном слое, что необходимо для реконструкции функциональных зон, выделения устойчивых комплексов различных категорий и групп материалов. Были выделены отдельные скопления массового материала (фрагментов сосудов, кремня, кости) на основе построения схемы плотности находок для разных категорий.

Сезонный характер обитания на стоянке и специализированное его использование, как места эффективного сезонного рыболовного промысла, наложили свой отпечаток на особенности функциональных зон, конструкций и объектов, найденных здесь.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-59-22008

Долбунова Екатерина Владимировна — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия (katjer@mail.ru)

Ларионова Алиса Валерьевна — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия (alisa_89@bk.ru)

Мазуркевич Андрей Николаевич — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия (a-mazurkevich@mail.ru)

М. Калныньш, В. Берзиньш

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ВОСТОЧНОЙ БАЛТИКИ В 4 ТЫС. ДО Н.Э.: ПРИМЕР СТОЯНКИ

САРНАТЕ

На территории современной Латвии только на нескольких неолитических стоянках удалось обнаружить остатки построек, которые позволяют реконструировать их размер, тип и планировку. Наибольшее количество с наилучшей сохранностью остатков построек было

обнаружено на поселениях среднего неолита (4000–2300 гг. до н.э.) в Восточной Латвии около озера Лубанс, а также в Западной Латвии на прибрежных стоянках. Среди данных поселений особенно примечательна торфяниковая стоянка Сарнате, которая в период неолита была расположена на берегу лагунного озера. В Сарнате за 11 сезонов раскопок (с 1938 до 1940 года работами руководил Эдуард Штурмс (1895–1959), а с 1953 до 1959 года — Лусия Ванкина (1908–1989)) было обнаружено и исследовано 38 жилищ. После тщательного повторного изучения материалов в начале 2000-х годов было выявлено, что некоторые из жилищ, которые во время раскопок исследовались как единичные, на самом деле состояли из группы двух или более построек, и, таким образом, на стоянке были раскопаны не менее 50 отдельных жилищ.

По типам керамики жилища стоянки Сарнате можно разделить на четыре группы — жилища с ямочно-гребенчатой керамикой (не датированы), жилища с керамикой раннего Сарнатского типа (около 4365–3780 гг. до н.э.), жилища с керамикой позднего Сарнатского типа (ок. 3630–2850 гг. до н.э.) и жилища с неопознанной керамикой среднего неолита.

Органические остатки сохранились в большинстве жилищ, в которых использовалось ранняя или поздняя Сарнатская керамика. Носители традиций ямочно-гребенчатой керамики свои жилища строили на более высокой точке, немного дальше от берега озера. В связи с этим их жилища были зафиксированы по скоплениям находок в песке, имевших овальные очертания.

По остаткам построек носителей традиций керамики раннего и позднего Сарнатского типа, можно определить, что они строили довольно фундаментальные столбовые конструкции с плетёными стенами. Для этих жилищ характерны песчаные очаги, которые были изолированы от торфа с использованием коры и веток. Планиграфический анализ остатков построек и находок свидетельствует, что жилища продольной осью были ориентированы перпендикулярно древнему берегу и состояли из одного или двух помещений. Общей чертой этих жилищ была кухонная зона — концентриция кухонных принадлежностей и отходов в одном конце очага.

Проанализированный материал жилищ с ранней и поздней Сарнатской керамикой позволяет реконструировать и хозяйство рыболовов-охотников-собирателей, которые проживали на стоянке в течение всего года. Вероятно, аналогичный образ жизни вели и другие сообщества IV–III тыс. до н.э., жившие на берегах лагунных озёр восточного побережья Балтийского моря.

Калныньш Марцис — Университет Латвии, г. Рига, Латвия
(marcis.kalnins@lu.lv)

А.Н. Мазуркевич, Й. Мэгро, П. Киттель, Е.В. Долбунова
ОСТАТКИ КОНСТРУКЦИЙ 5/4–3 ТЫС. ДО Н.Э. В ВЕРХНЕМ
ПОДВИНЬЕ

Многослойные неолитические памятники, исследовавшиеся на протяжении более 30 лет в одном из микрорегионов Верхнего Подвинья — Сертейском — позволили выявить целую серию остатков построек и различных конструкций, которые могут быть отнесены к 5–3 тыс. до н.э.

Полученные в последние годы новые данные по хронологии и культурной атрибуции для древностей 5/4–4 тыс. до н.э. Верхнего Подвинья позволяют скорректировать наши представления о некоторых комплексах, исследованных в предшествующие годы. В материалах памятника Сертея XIV можно выделить несколько построек с керамическими комплексами 5/4–4 тыс. до н.э. Это остатки столбовых наземных конструкций овальной формы с очагами или без. Датировки по постройке, расположенной в кв. а–б/13–15 несколько противоречивые и охватывают широкий хронологический интервал, но по развалам сосудов, происходящих из неё, её можно отнести к древностям типа Сертея VIII слой В. С аналогичным материалом зафиксированы постройки №557, №637 и другие небольшие объекты п. Сертея XIV. Эти материалы находят аналогии в круге степных культур 5 тыс. до н.э. К этому же времени относятся остатки конструкций, найденных в торфяниковой части п. Сертея II, где были обнаружены остатки рыболовных конструкций и, возможно, жилой постройки конца 5–4 тыс. до н.э.

Климатические изменения на рубеже Атлантического и Суббореального периода привели к значительной перестройке окружающей среды и ландшафтов. Это могло привести одновременно с проникновением носителей новых культурных традиций к появлению совершенно особой архитектурной формы — свайных поселений с постройками с приподнятыми полами, для которых выбирались топкие берега, максимально приближенные к зеркалу чистой воды. Самые ранние постройки, которые могут относиться ко второй половине 4 тыс. до н.э., были обнаружены на п. Усвяты IV — это овальные в плане конструкции на сваях. Позже постройки приобретают прямоугольную форму (п. Усвяты IV, Сертея II). Найденные остатки конструктивных элементов позволяют

воссоздать облик этих построек и особенности организации жилого пространства.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 19-78-00009

Мазуркевич Андрей Николаевич — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия (a-mazurkevich@mail.ru)

Мэгро Йолейн — UMR 8215 Национальный центр научных исследований, г. Нантер, Франция (yolaine.maigrot@mae.cnrs.fr)

Киттель Питер — Университет г. Лодзь, г. Лодзь, Польша (pkittel@wp.pl)

Долбунова Екатерина Владимировна — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия (katjer@mail.ru)

Э.Б. Залыцман

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ ПРИМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

За последние два десятилетия в пределах северо-восточного побережья Вислинского залива удалось открыть и исследовать новые поселенческие центры эпохи неолита: Прибрежное, Ушаково 1, 2 и 3. Основные материалы с этих поселений относятся к различным периодам существования поздненеолитической приморской культуры. Важнейшими находками являются остатки длинных домов в Прибрежном, с заглублённым основанием, содержащие большое количество керамического и иного материала. Постройки, судя по имеющимся данным, сгорели и значительная часть инвентаря после обрушения кровли, осталась внутри.

Помимо собственно комплекса приморской культуры в Прибрежном к настоящему времени впервые выявлены следы стоянки культуры воронковидных кубков, ближайшая область распространения которой находится в низовьях Вислы. Стоянка относится к концу среднего неолита (по прибалтийской хронологии). Жилое сооружение, в очаге и на площадке которого была выявлена керамика культуры воронковидных кубков (КВК), имело вытянутую в направлении Ю-З-С-В форму. Постройка столбовой конструкции наземного типа, постепенно сужалась к юго-западу и, вероятно, имела трапецевидной формы завершение. Сдвоенные ряды столбовых ям указывают на местные особенности конструкции, — двойные стены, оплетённые прутьями, не обмазывались глиной, но

прокладывались внутри жердями или торфом. Ширина конструкции не превышала 3,20 м.

Длинные дома в Прибрежном, относящиеся к приморской культуре, подразделяются на две разновидности в соответствии с конструктивными особенностями. Главное различие состоит в устройстве стен, которые могли быть однорядными или двухрядными. Первый тип отличается однорядной конструкцией стен, незначительной глубиной основания – до 0,35 м и большей шириной, достигающей 4,80 м. Всего выявлено 3 постройки данного типа, две из них ориентированы в том же направлении, что и жилые сооружения КВК. Постройки соответствовали временному промежутку 3300/3000 cal BC (1-ый этап протофазы), если придерживаться крайней, наиболее поздней части интервала.

После завершения функционирования построек 1, 4, и 6, вероятно, погибших в результате пожара, рядом возводятся новые сооружения, конструкция которых несколько отличалась от предыдущих. Второй этап протофазы по углю, костям и лесному ореху, извлечённых с нижнего уровня заполнения построек 2, 3, 5 и 7, датируется радиоуглеродным методом в интервале 3000–2800 CalBC. Все постройки имели двухрядную столбовую конструкцию с апсидообразным завершением. Ширина построек составляла в среднем 4 м, но длина варьировала и достигала в одном случае почти 35 м (постройка 7). В отличие от предыдущих конструкций, эти сооружения были заглублены до 0,60 м.

Новые жилые сооружения имели более прочную конструкцию, крупные размеры и сдвоенные стены, образованные вбитыми в грунт столбами, при наличии входов-пристроек и очагов, расположенных по центральной оси. Четырёхскатная кровля, которую поддерживали центральные столбы и крупные боковые опоры, расположенные попарно, завершали конструкцию.

Увеличение размеров жилищ, усложнение и упорядочивание их конструкции, распространение новых типов посуды и орнамента, превалирование шнурового декора над остальными и соответствующая стилизация, охватившая почти весь керамический комплекс, появление новых разновидностей рубящих орудий, указывают на серьёзную трансформацию на втором этапе протофазы.

Исходя из материалов, полученных с нижнего уровня заполнения котлованов построек, становится очевидным, что в формировании приморской культуры принимало участие одновременно несколько этносов. Компонент КВК ясно читается в отношении конструкций жилых сооружений. Вытянутые очертания, двухрядные стены, образованные параллельно вбитыми сваями, — эти специфические черты, по-видимому, происходят из местной КВК, где известны близкие по форме конструкции.

Зальцман Эдвин Борисович — Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия (edwin_zalzman@mail.ru)

Л.Л. Косинская

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО В НЕОЛИТЕ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ЛЕСНАЯ ЗОНА): ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Неолит означенного региона охватывает середину/конец VII — первую четверть IV тыс. до н.э. (по калиброванной шкале). Данные о неолитических жилищах рассматриваются по двум районам: северному (таёжному) и южному (подтаёжному), поскольку территории различаются как по природным условиям, так и по особенностям самих памятников. Большинство жилищ, изученных в обоих районах, являются обособленными углублёнными строениями (землянки и полужемлянки), но их разнообразие свидетельствует о мощном толчке в развитии домостроительства с началом неолита. Кратко охарактеризована полевая методика, используемая в Зауралье. Методы кабинетной работы строятся в значительной степени на этноархеологическом подходе; жилище рассматривается как система с определённой структурой, детально описанной на этнографических материалах. Всесторонний структурный анализ остатков построек, пространственный анализ жилищного пространства, включая вещевые комплексы, является основой не только для классификации и реконструкции собственно жилых построек, но и для разнообразных реконструкций хозяйственного (сезонность, хозяйственная специализация, продолжительность обитания) и социального (численность и состав обитателей, структура коллектива) аспектов. Отдельной проблемой является рассмотрение жилища как элемента более крупной системы — посёлка. Это тем более актуально в связи с появлением уже в раннем неолите поселений с оградениями (рвы, палисады).

Косинская Любовь Львовна — Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия (Ver2142@yandex.ru)

ДОМОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ

В докладе будет представлен результат многолетних исследований неолитических поселений (ранний и развитый этапы) северо-восточного побережья озера Мergenъ (Нижнее Приишимье, Западная Сибирь). Приведена типология сооружений, их назначение, конструктивные особенности, некоторые строительные приемы и инструментарий, внутреннее устройство сооружений, вопросы отопления и поддержания благоприятного микроклимата внутри жилищ (вероятные типы отопительных систем), ритуальная сторона домостроительства (строительные приклады, приклады в жилищах связанные с промысловой деятельностью, вероятные свидетельства ритуалов связанных с оставлением жилищ). Кроме того, будет затронут адаптационный аспект организации поселений — природное окружение и структура, а также вопросы преемственности домостроительных традиций от раннего неолита к развитому.

Еньшин Дмитрий Николаевич — Институт проблем освоения Севера, г. Тюмень, Россия (Dimetrius666_72@mail.ru)

Скочина Светлана Николаевна — Институт проблем освоения Севера, г. Тюмень, Россия (sveta_skochina@mail.ru)

А.С. Кудашов

ЖИЛИЩА МЕЗОЛИТА И РАННЕГО НЕОЛИТА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Статья посвящена определению общих черт и различий конструкции жилищных построек каменного века Марийского Поволжья. Нами были проанализированы сооружения на поселениях эпохи мезолита и раннего неолита данного региона. Выделены основные принципы домостроения мезолитической эпохи Марийского Поволжья. В виду того, что рассматриваемые комплексы находятся в одной ландшафтной зоне, ряд показателей являются близкими. Это относится и к конструированию полуземлянок, количеству входов, хозяйственных ям и наличию ниш. Однако по некоторым пунктам сравнения будут наблюдаться отличия. Например, такой показатель как распространенность находок в

межжилищном пространстве, отсутствие в раннем неолите в более половине случаев очагов. Отличается и показатель размеров.

Всего проанализировано 38 сооружений мезолитической и 35 построек ранненеолитической эпохи. Для сравнения выбрано несколько показателей домостроения. Характерно, что в Марийском Поволжье большинство памятников неолита многослойные, однако, ни на одном мезолитическом поселении региона до сих пор не было обнаружено ранненеолитической керамики. Тем более отчетливо можно проследить разницу в постройках. Явным является наличие на неолитических поселениях наземных построек. В то время как местные мезолитические это повсеместные полуземлянки. Такие показатели как топографическое размещение, планиграфия жилищ, наличие отдельных производственных и жилых построек в мезолите и раннем неолите, говорят о возможном вживании пришлых коллективов в процессе неолитизации в лесной полосе.

Кудашов Александр Сергеевич — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия
(aleksandr.kudashov@gmail.com)

Е.Л. Лычагина

ЖИЛИЩА КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

В работе даётся описание жилищных построек камской неолитической культуры, которые были изучены на территории Среднего Предуралья. Всего в регионе известно 6 жилищ на стоянках Усть-Букорок, Хуторская (2 жилища), Лёвшино, поселениях Чернашка и Усть-Залазнушка II. Они относятся к разным этапам камской неолитической культуры. Сооружения располагались либо на надпойменных террасах, либо на пойменных гривах. Все постройки — полуземлянки подчетырёхугольной формы. Внутри жилищ выделяют от 1 до 6 хозяйственных ям подовальной или подокруглой формы. Чётко выраженные очаги известны только в жилищах раннего и развитого (хуторского) этапов. Все постройки имели не более одного выхода. Как правило, он располагался на продольной оси сооружения.

Жилища, относящиеся к камской неолитической культуре, известны на территории Северо-Востока Европы, Камско-Вятского междуречья, Нижней Камы и Среднего Поволжья. Основным типом жилищ выступают постройки подчетырёхугольной формы, углублённые в материк на 0,2–0,6 м, с 1–2 выходами, 1–3 очагами, 1–6 хозяйственными ямами.

Незначительное количество известных жилищ камской культуры в ряде регионов, возможно, связано с их уничтожением вследствие естественных и искусственных причин.

Лычагина Евгения Леонидовна — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Россия (lychaginae@mail.ru)

M. Skandfer, Ch. Damm, J. M. Gjerde

HOUSE-PIT SITES IN NORTHERN NORWAY. DOCUMENTING FORMAL VARIABILITY AND ENVIRONMENTAL CHARACTERISTICS

The northernmost parts of Europe has a large number of sites with Stone Age pit-houses, the majority of which date from c. 5000 BC onwards. Remarkably, the remains of these dwellings are many places still visible on the surface. In Northern Norway such dwellings concentrate in the coastal areas, with a more limited number found on inland sites. In order to use these in analyses of settlement duration, distribution and organization it is necessary to ensure a more uniform and coherent documentation of both individual structures and site characteristics. In an ongoing research project on Stone Age Demographics, we have developed and tested different levels of settlement site documentation, scaling from single structures over site topography to reconstruction of past environments. Through substantial surveying in our study region in coastal western Finnmark, northern Norway, we have collected extensive and uniform documentation of dwellings, sites and environment. It is this systematic documentation that will now allow us to discuss not just dwellings within one specific site, but also to consider also regional and supra-regional patterns and variability. This is required if we are to consider both spatial variation and temporal developments in the use and role of pit-houses.

Marianne Skandfer — The Arctic University Museum, UiT — The Arctic University of Norway (marianne.skandfer@uit.no)

Charlotte Damm — Department of Archaeology, History, Religious Studies and Theology, UiT — The Arctic University of Norway (charlotte.damm@uit.no)

Jan Magne Gjerde — Norwegian Institute for Culture Heritage Research (jan.magne.gjerde@niku.no)

ДРЕВНИЕ ЖИЛИЩА СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

Рассматриваются жилища неолита и бронзового века, открытые в прибрежной зоне Баренцева и Норвежского морей. Неолитические жилища представлены несколькими выраженными типами, о которых можно судить как по внешним признакам, так и по конструктивным элементам, выявленным в раскопках. Наибольшее внимание привлекают жилища типа Гресбакен (Gressbakken), которые обладают наибольшим количеством выраженных признаков (конструктивных элементов) и с которыми связано наибольшее количество артефактов (позднего неолита и бронзы).

Тип 1 (Гресбакен). Овальное глубокое с траншеями в валике. В конструкции: в центре подпрямоугольная камера, полати по её торцам, двойной прямоугольный очаг из валунов по длинной оси камеры, котлован окружает широкий валик, вход в длинной стороне, в противоположной – труба-дымоход, от неё – горизонтальный дымоход-вытяжка к очагу, по торцам в валике воздуховоды-выходы.

Тип 2 (Завалишина). Глубокое подквадратное. В конструкции: подквадратная камера, низкий широкий валик вокруг, в центре или близко к нему – прямоугольный или овальный очаг из валунов, полати с одной или двух сторон, вход, возможен воздуховод.

Тип 3 (Перьярви-Карлеботн). Мелкое прямоугольное. В конструкции: слабо углублённая подквадратная камера, невыраженный валик вокруг, прямоугольный или овальный очаг или только кострище обычно в центре камеры, выраженный вход не обнаруживается.

Тип 4 (Ниельв-Городки). Прямоугольное наземное. В конструкции: прямоугольная мелкая площадка с отдельными камнями по периметру, входы не прослеживаются, двойной очаг из валунов расположен по центральной оси.

Необходимо отметить, что жилища эпохи неолита и бронзы Северной Фенноскандии обладают значительным разнообразием. Несмотря на тиражирование типичных конструктивных элементов, трудно найти два одинаковых жилища.

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН № 0184-2019-0002

Колпаков Евгений Михайлович — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия (eugenkolp@yandex.ru)

Киселёва Алевтина Михайловна — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия (aliakiseleva@mail.ru)

В.Н. Карманов

СЛЕДЫ И ОСТАТКИ ЖИЛИЩ КАК ВИДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ)

Доклад посвящен познавательным возможностям выявленных комплексов следов и остатков углублённых жилищ охотников-собирателей северо-востока Европы (таёжная зона; бассейны рек Северной Двины с Вычегдой, Печоры и Мезени; современная территория Республики Коми и восточная часть Архангельской области).

Хронологические рамки: VI–III тыс. до н.э.

Культурная атрибуция:

- неолитические культуры без признаков производящего хозяйства, представленные памятниками типа Чёрная Вадья, энтьтйского типа, льяловской и чужьяельской (ранний этап) культур;
- чужьяельская культура (поздний этап) эпохи раннего металла без свидетельств использования меди;
- гаринская культура эпохи раннего металла с проявлениями свидетельств использования меди и её обработки.

Для обсуждения выбраны следующие сюжеты:

- Жилища и ландшафт — выбор места обитания;
- Поселения — посёлки или многократное заселение?
- А где жилище? — Проблема выявления структур;
- «Культурный слой» и «материк»: нужны ли? — Характеристика отложений;
- Тафономия оставленного;
- Виды следов и проблема их интерпретации;
- Характеристика остатков;
- Укрытие — хижина — дом? Особенности архитектуры;
- Организация жилого пространства;

Комплекс закрытый, полузакрытый или открытый? Способы определения кратности заселения;

- 3,5 или 7? Норма жилой площади и проблема определения численности жителей;
- Группа, коллектив, бригада, отряд или всё-таки семья? Проблема определения социального статуса жителей;

- Разное: пока непонятное;
— Что дальше? Перспективы.

Карманов Виктор Николаевич — Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия (vkarman@bk.ru)

Н.А. Кренке, К.А. Ганичев, Е.В. Долбунова, А.Н. Мазуркевич,
М.М. Певзнер, С.Н. Чаукин, В.А. Чаукина

«БОЛЬШИЕ ДОМА» КАМЧАТСКИХ АБОРИГЕНОВ

На полуострове Камчатка, из-за его слабой хозяйственной освоенности в современности, хорошо прослеживаются древние жилищные западины, имеющие возраст первые тысячи лет. С точки зрения археологической периодизации, они относятся к позднему, либо «пережиточному» неолиту. Подавляющее большинство жилищных западин имеет круглую или подпрямоугольную форму размерами не более 10 м в поперечнике. Выделяется особая группа построек (хорошо видимых на космических снимках), отличающихся большими размерами. Выявлено более 60 подобных объектов. Они имеют вид прямоугольников со сторонами 20×30, 30×30 м и встречаются лишь в нижнем течении р. Камчатка, начиная от района с. Ключи. В долине протоки Ажабачей зафиксирована их максимальная концентрация. В литературе они обозначались как «городища» и действительно имеют сходство с некоторыми городищами Западной Сибири. Сотрудники Камчатского отряда ИА РАН при участии специалистов Геологического ин-та РАН и Гос. Эрмитажа в 2015–2019 гг. провели предварительное исследование некоторых памятников этого типа. С помощью радиоуглеродного датирования и тефрохронологии удалось установить возраст жилищ — в интервале от 1000 до 300 лет от наших дней. Выявлены некоторые конструктивные особенности, которые позволяют выдвинуть гипотезу, что данные объекты являлись своеобразными «крытыми укрепленными дворами» столбовой конструкции, внешний периметр которых формировался земляными обваловками. Появление «больших домов» может указывать на формирование в обществе камчатских аборигенов (ительменов) зачатков сложной социальной организации, которая была разрушена с приходом казаков.

Кренке Николай Александрович — Институт археологии РАН, г. Москва,
Россия (nkrenke@mail.ru)

Ганичев Кирилл Александрович — Институт археологии РАН, г. Москва, Россия (kirganichev@yandex.ru)

Долбунова Екатерина Владимировна — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия (katjer@mail.ru)

Мазуркевич Андрей Николаевич — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия (a-mazurkevich@mail.ru)

Певзнер Мария Михайловна — Геологический институт РАН, г. Москва, Россия (m_pevzner@mail.ru)

Чаукин Сергей Николаевич — Институт археологии РАН, г. Москва, Россия (schaukin@mail.ru)

Чаукина Варвара Анатольевна — Институт археологии РАН, г. Москва, Россия (varyabaskova@yandex.ru)

К.М. Андреев

ЖИЛИЩНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЕЛШАНСКОЙ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Жилище — важнейший источник, раскрывающий детали социальной структуры, экономики, технических традиций, — имеет ключевое значение для понимания социума. Жилищных комплексов, которые достаточно надёжно могут быть интерпретированы в качестве раннеолитических и отнесены к елшанской культуре, выявлено к настоящему моменту ограниченное количество. При этом культурно-хронологическая атрибуция некоторых интерпретированных в качестве раннеолитических жилищ, на наш взгляд, не достаточно аргументирована. В предлагаемой статье будут объединены данные по всем елшанским жилым сооружениям и дана их краткая характеристика, а также подробнее раскрыты некоторые ранее приведённые положения. К раннему неолиту в лесостепном Поволжье с высокой долей вероятности могут быть отнесены лишь жилища, выявленные на стоянках Выюново озеро I, Имерка VII и Утюж I, с определёнными оговорками жилище стоянки Луговое III, в то же время, жилое сооружение, исследованное на стоянке Лебяжинка IV, по всей видимости, относится к развитому и позднему неолиту региона. В целом, жилища елшанской культуры представляли собой легкие каркасные конструкции, слабо углублённые в материк, типа шалаш, без видимой системы в расположении столбовых ям. Вероятно, но небесспорно, площадь жилых сооружений елшанской культуры увеличивается от ранних к поздним этапам развития культуры. В связи со специфической моделью

жизнеобеспечения елшанского населения, предполагавшей систематическую смену места проживания, они функционировали короткое время. Судя по имеющимся данным, с периодом проживания елшанского населения на одном месте связано использование ограниченного количества посуды (1–3 сосуда), а, следовательно, поселения с относительно крупными коллекциями керамики, скорее всего, посещались многократно ранненеолитическим населением.

Андреев Константин Михайлович — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия (konstantin_andreev_88@mail.ru)

А.И. Юдин

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ СТОЯНКИ

К настоящему времени наиболее полная, но далеко не исчерпывающая информация о жилищах орловской неолитической культуры, продолжает базироваться на материалах раскопок Варфоломеевской стоянки, расположенной в степном Заволжье (Саратовская область) и исследовавшейся в 1987–1990 и 1996 гг. Всего вскрыто свыше 400 кв. м. культурного слоя, включающего четыре литологических слоя, отражающих все этапы развития орловской культуры (посл. четв. VII тыс до н.э. — VI тыс. до н.э.).

Жилые постройки различной степени сохранности встречены в трёх нижних слоях. Наиболее полное представление о характере жилищ получено при исследовании поздненеолитического слоя 2А. Жилища имели прямоугольную или близкую к ней форму, округлые углы. Тип жилища — полуземлянка, заглублённая в материк или культурный слой до 1 метра. В раскоп попал угол одного из сгоревших жилищ. Это позволило детально ознакомиться с конструкцией стен. По краю котлована на относительно равных промежутках (через метр-полтора) вкапывались столбы диаметром 20–25 см, между ними — две-три жерди толщиной до 10 см. Полученный каркас переплетался тростником и обмазывался глиной.

Жилые постройки были многокамерными, с расположением полов на разных уровнях, что хорошо прослеживается по окрашенным охрой полам и листовым шлейфам очагов, опускающихся с верхнего уровня на нижний.

Внутренний интерьер представлен в первую очередь очагами. Они имеют простейшую конструкцию: округлые или овальные в плане, слегка заглублены в материк и имеют пологие стенки. Если дном котлована жилища являлся более ранний культурный слой, то для очага насыпался

15–20-сантиметровый слой глины. Часто вокруг очагов по периметру расположены столбовые ямки. Вероятно, это свидетельствует о существовании особого «светового фонаря», когда часть крыши жилища над очагом была приподнята, а в образовавшийся зазор проникал свет и выходил дым. Очагов в жилище всегда несколько.

Вдоль стен и в полу устроены ямы-хранилища, содержащие как хозяйственные предметы, так и сакральные.

Застройка на территории стоянок отличалась высокой плотностью, а жилища функционировали на протяжении длительного времени.

Поскольку на стоянке представлено эволюционное развитие одной культуры, способ устройства жилищ остаётся одинаковым на протяжении всего неолита.

Юдин Александр Иванович — Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, г. Саратов, Россия (aleyudin@yandex.ru)

А.М. Скоробогатов

ДАННЫЕ О ПОСТРОЙКАХ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НА ПАМЯТНИКАХ НЕОЛИТА–ЭНЕОЛИТА СРЕДНЕГО ДОНА

В представленном сообщении автором приводятся данные о пяти известных к настоящему времени постройках (стоянка Черкасская и поселение Дрониха) с памятников неолита–энеолита Среднего Дона (VI–IV тыс. до н.э.). Рассматриваются особенности углублённых в землю построек, варианты их возможного хозяйственного и жилищного предназначения. Особое внимание уделяется характеру заполнения построек (битые раковины пресноводных моллюсков) и наличию раковинных слоёв поселенческих памятников региона вне пространства углублённых объектов.

Скоробогатов Андрей Михайлович — ООО «Терра», г. Воронеж, Россия (a.m.skorobogatov@mail.ru)

ПОСТРОЙКА ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ВАСИЛЬЕВСКИЙ КОРДОН 1 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Многослойное поселение Васильевский Кordon 1 было открыто в 2005 году [Смольянинов 2005; Смольянинов и др. 2007]. Памятник расположен на пойменном останце правого берега р. Воронеж на высоте шесть метров над уровнем реки. Размеры поселения 30×60 м. Всего на нём исследовано 258 кв.м. В раскопе обнаружено 5 построек позднего этапа льяловской неолитической культуры [Смольянинов 2009].

Углублённая в материк постройка 1 представляла собой удлинённо-овальный котлован сооружения, выкопанный длинной стороной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. В западной её части ширина была около 240 см. В самой широкой её части с севера на юг — 465 см. Котлован постройки плавно углублялся с запад-юго-запада на восток северо-восток. Максимальная глубина от современной поверхности достигала 205 см. На её дне выявлены остатки трёх столбовых ям. Ямы овальной формы размером 30×25 см.

В заполнении постройки выявлена керамика не менее чем от 25 сосудов (выделено по венчикам) льяловской неолитической культуры, изделия из камня и кости. Преобладают орудия на отщепах; нуклеусов для скалывания пластин не обнаружено. Каменную индустрию можно охарактеризовать как отщеповую. Костяные орудия единичны. Постройка датируется не позднее 5 тыс. ВР [Сидоров 2021: 48].

Статья написана при поддержке Фонда Президентских грантов проект №: 21-1-002436.

Литература

- Смольянинов Р.В. Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. №27145-27148.
- Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н., Ивашов М.В., Уваркин С.В., Свиридов А.А. Археологические исследования в Липецкой области // Археологические открытия 2005 года. М., 2007. С. 247.
- Смольянинов Р.В. Отчёт о раскопках поселения Васильевский Кordon 1 в Липецкой области в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1. №37955-37956.
- Сидоров В.В. Льяловская культура // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь, 2021. С. 30–55.

Смолянинов Роман Викторович — Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования», г. Липецк, Россия (rws17rws17@yandex.ru)

Юркина Елизавета Сергеевна — Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования», г. Липецк, Россия (eli9725@mail.ru)

Куличков Александр Александрович — ООО «Экспертиза Черноземья», г. Липецк, Россия (kulichkov.aleks@yandex.ru)

В.В. Ставицкий

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ЖИЛИЩ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

Источниковая база для реконструкции неолитических построек имеет крайне фрагментарный характер. Поскольку от жилищ в лучшем случае сохраняются только остатки, углублённых в грунт котлованов, золистые заполнения очагов, следы столбовых ям, а также скопление ям неясного назначения, разбросанных по дну котлована. В отдельных случаях прослеживаются следы углистых полос по периметру жилого сооружения. Любое углублённое в грунт сооружение обычно интерпретируется в качестве землянки или полуземлянки. Однако нужно иметь в виду, что на песчаных, слабо задернованных почвах, дерновый покров нарушается очень быстро. При интенсивном вытаптывании дёрн на полу любого наземного жилища уже через месяц-другой будет разрушен и перемешан с нижележащим слоем. Чем дольше будет существовать такое сооружение, тем глубже будет перемешанный слой, который при последующих стратиграфических наблюдениях, будет читаться, как слабо углублённый котлован. Катализатором данного процесса станет сооружение «хозяйственных» ям на полу такого жилища. Следовательно, то, что интерпретируется исследователями в качестве полуземлянок, в реальности могло быть наземными постройками.

Одной из особенностей неолитических жилищ является аморфность их контуров, которые заметно отклоняются от прямоугольных пропорций. Данный факт обычно расценивают в качестве более позднего обрушения стенок, их заброшенных котлованов. Однако наличие специальных ниш и достаточно сложная конфигурация некоторых стенок не согласуется с подобными объяснениями. Не характерна подобная аморфность для контуров жилищ более поздних эпох, даже если они расположены на тех же песчаных почвах. Одним из возможных объяснений подобных

домостроительных традиций может быть использование при сооружении стен растущих деревьев, что зафиксировано в архаичной практике ряда финно-угорских народов. По-видимому, значительная часть неолитических жилищ не имела прямоугольных каркасов.

Одним из феноменов лесного неолита является сооружение жилищ с переходами, наличие которых зачастую интерпретируется в качестве их синхронного существования. Признание этого факта приводит исследователей к завышению демографических показателей, которые нередко превышают значения более поздних эпох. Однако исследование керамических традиций населения стоянки Галанкина Гора показало, что не все жилища существовали одновременно. В архаичной практике финно-угров обветшалые жилища нередко использовались в качестве складских помещений. Вероятно, подобные традиции могли иметь место и в эпоху неолита.

Ставицкий Владимир Вячеславович — Пензенский государственный университет, г. Пермь, Россия (stawiczky.v@yandex.ru)

Г.В. Сеницына

ЖИЛИЩА ВАЛДАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА МЕЗОЛИТА – РАННЕГО НЕОЛИТА

Значительные по количеству (16) жилища валдайской культуры расположены на боровых террасах, на источниках сырья, имеют в плане прямоугольную или подквадратную форму, разнообразные конструкции [Гурина 1989; 1996; Верещагина и др. 1995; Верещагина 1997; Сеницына 1997; Тимофеев 1997]. Площадь жилищных пятен в плане варьирует в пределах 10–50 кв. м. Самые большие по площади жилища (110, 90, 55, 48 кв.м. по внешнему контуру) на стоянках Нижние Котицы и Нижние Котицы 5 имели столбовую конструкцию и коридорообразные входы, обращенные к Селигеру. У жилища на стоянке Нижние Котицы и у полностью исследованного жилища на стоянке Нижние Котицы 5 удалось установить по два противолежащих коридорообразных входа.

Разнообразие конструкций жилищ валдайской культуры выявлено на стоянке Залесье I по двум жилищам подчетырёхугольных очертаний (55–60 кв.м.). Здесь установлена особая конструкция — двухкамерное жилище с переходом и очагом-каменкой диаметром 2 м. На стоянке Зехново III четыре жилища наземного или слабо углублённого типа расположены вдоль берега реки, одно из них почти полностью разрушено рекой. Контуры жилищных пятен овально-подчетырёхугольные в плане ~ 4×2 м,

линзовидные в сечении, рядом с ними зафиксированы ямки диаметром 30–60 см. На стоянке Ланино I/5 подчетырёхугольное жилище (4×6 м) с коридорообразным выходом в сторону озера Волго имело очаг-каменку и неолитический инвентарь. На стоянке-мастерской Свёклино вдоль левого берега Волги у трёх жилых сооружений были свои особенности — одно жилище овальной формы (5×2 м, глубиной 0,15 м.), два других — квадратные в плане имели размеры: 3×3 м, глубиной 0,4 м и 3×2,5, глубиной 0,6 м от поверхности материка.

На заключительном этапе валдайской культуры традиция жилищ подчетырёхугольных очертаний сохранилась. На стоянке Заболотье II исследовано жилище размером 6×6 м, углублённое в материк до 0,8 м. Большое количество фрагментов керамики в жилище, керамических штампов вблизи сооружения, позволяют предполагать наличие мастерской по изготовлению сосудов.

Разнообразие конструкций жилищ валдайской культуры, прослеженное по разной заглублённости (землянки или полуземлянки), наличию коридорообразных входов, остаткам ям от столбовой или каркасной конструкции, количеству очагов или кострищ, свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии строгих канонов в строительстве жилищ, но, с другой стороны, вариабельность размеров и форм остаются близкими между собой на протяжении финального мезолита–неолита.

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН № 0184-2019-0002

Литература

- Верещагина И.В., Синицына Г.В., Тимофеев В.И., Тихомирова О.М., Шаяхметова Л. Г., Шумкин В.Я. Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН, проведенных под руководством Н. Н. Гуриной. Вып. 1 // Материалы к археологической карте. Вып. 1. (Археологические изыскания. Вып. 27). СПб, 1995.
- Верещагина И.В. Поселения южного побережья Селижаровского плёса оз. Селигер// Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. (Археологические изыскания. Вып. 55). СПб, 1997. С. 63–106.
- Гурина Н.Н. Мезолит верховьев Волги // Мезолит СССР. М., 1989. С. 63–67.
- Гурина Н.Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 188–193.

Синицына Г.В. Ланино I — памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. (Археологические изыскания. Вып. 55). СПб, 1997. С. 5–62.

Тимофеев В.И. Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения валдайской неолитической культуры // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. (Археологические изыскания. Вып. 55). СПб, 1997. С. 107–211.

Синицына Галина Васильевна — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия (gv-sinitsyna@yandex.ru)

Н.В. Косорукова, В.А. Лукинцева, Т.С. Гринина
ЭЛЕМЕНТЫ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА НА
РЯДЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МОЛОГО-
ШЕКСНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Большая часть мезолитических памятников в Молого-Шекснинском междуречье не даёт сведений о внутреннем устройстве стоянок и наличии жилищ, находки на них залегают в песке. Только на отдельных памятниках встречены некоторые элементы внутренней структуры. Наиболее интересен в этом отношении мезолитический слой многослойного поселения Усть-Андога 1. Мезолитический слой здесь перекрыт слоем стерильного песка и культурными напластованиями более поздних эпох. В мезолитическом слое были выявлены два очага диаметром 1 м, сложенные из крупных камней, находившиеся на расстоянии около 18 м друг от друга. Около одного из очагов обнаружено большое скопление сгоревшего дерева. Также на этом памятнике обнаружен маленький очажок диаметром около 0,6 м. Второй памятник — это стоянка Лиственка 3А — на ней выявлено скопление находок, залегавшее в слое песка с красноватым оттенком, и в нём — «расползшийся» очаг в виде скопления камней. Третий памятник — стоянка Крутой Берег — на ней выявлено два скопления находок, расположенных вокруг ям с тёмно-коричневым гумусным заполнением, которые могут представлять собой следы жилищ.

Косорукова Наталья Валентиновна — Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия (natalikcher@mail.ru)

Лукинцева Валерия Алексеевна — Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия (marskot7@mail.ru)

Григина Татьяна Станиславовна — Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия (tatianka.kos@mail.ru)

А.М. Жульников

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛУЗЕМЛЯНОЧНЫХ ЖИЛИЩ В БАССЕЙНЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА НА РУБЕЖЕ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА

Во второй половине IV — первой половине III тыс. до н. э. на поселениях бассейна Онежского озера наиболее распространенным типом полуземляночного жилища становится удлинённая прямоугольная постройка с двумя входами в коротких стенках и двумя, изредка тремя кострищами по оси строения. Четырёхугольные постройки с двумя входами в коротких стенках известны также на многих энеолитических памятниках лесной полосы Восточной Европы — вплоть до бассейнов рек Вычегда и Кама. Проведённое исследование направлено на установление факторов, которые привели к сложению вышеуказанного типа жилища в бассейне Онежского озера.

В Поволжье, бассейне р. Кама, на территории Финляндии и Карелии полуземлянки с двумя входами иногда входят в состав жилых комплексов, состоящих из нескольких соединённых строений. На Европейском Северо-Востоке жилища с двумя входами на памятниках чужьяёльской и чойновтинской культур, напротив, представляют собой изолированные сооружения. Автором ранее было высказано предположение, что полуземлянка с двумя входами является своего рода постройкой-модулем, позволяющем создавать любые по площади многокамерные жилища, соединяемые переходами. Изучение данных по хронологии жилищ с двумя входами в других регионах лесной полосы Восточной Европы показало, что подобные многокамерные жилища появляются на довольно обширной территории примерно в одно время – на рубеже неолита и энеолита, не позднее первой половины IV тыс. до н. э. Появление подобных построек, в том числе многокамерных, как мне представляется, является отражением социально-экономических процессов, происходящих на рубеже неолита и энеолита в лесной полосе Восточной Европы.

В конце V — начале IV тыс. до н. э. на территории Карелии существуют два основных варианта планировки полуземляночных жилищ: 1) квадратные постройки с одним входом и кострищем, 2) полуземлянки с

котлованом в виде удлинённого прямоугольника, с одним входом (обычно в короткой стенке), одним или несколькими кострищами.

Во второй четверти — середине IV тыс. до н.э. сначала на поселениях с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой, а затем и на поселениях с асбестовой керамикой типа войनावолок на территории региона появляются соединённые переходами постройки, на которых имеется два входа в коротких стенках, однако кострище в них всего одно, а пропорции построек укороченные. Судя по имеющимся датировкам, появление жилищ с двумя входами в Поволжье и на Европейском Северо-Востоке происходит, видимо, несколько раньше, чем в бассейне Онежского озера. В связи с наблюдаемыми на столь обширной территории быстрыми и единообразными изменениями в конструкции и планировке жилищ, возникает вопрос о механизме распространения инноваций в такой консервативной сфере древней культуры как домостроительство. В этой связи, стоит обратить внимание на тот факт, что примерно в середине IV тыс. до н.э. в бассейне Онежского озера и сопредельных регионах наблюдается резкое возрастание интенсивности процессов обмена медью, янтарём, кремнёвыми изделиями, начинается широкое распространение за пределы региона рубящих орудий русско-карельского типа, асбеста и сосудов с примесью асбеста. Можно предположить, что подобное усиление контактов древнего населения лесной полосы Восточной Европы привело к возрастанию на данной территории информационного обмена, включая сферу технологии строительства и обустройства внутреннего пространства жилищ.

Жульников Александр Михайлович — Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия (rockart@yandex.ru)

Д.В. Герасимов, Е.С. Ткач, А.С. Тараканов, М.А. Холкина, Р.И. Муравьёв

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ ДРЕВНЕГО ЖИЛИЩА НА СТОЯНКЕ БЕРЁЗОВО 2 В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

Культурно-хронологическая атрибуция остатков древних жилищ, выявляемых на археологических памятниках многократного заселения, является специфической исследовательской задачей, решение которой далеко не всегда однозначно.

В 2018 г. в Северо-Западном Приладожье на площади 1723 кв.м. была практически полностью исследована стоянка каменного века Берёзово 2.

На памятнике выявлены материалы позднего мезолита, позднего неолита с типичной гребенчато-ямочной керамикой, и эпохи раннего металла с асбестовой и пористой керамикой. Хронологическая атрибуция выделенных контекстов подтверждается и серией радиоуглеродных датировок. Однако стратиграфическое разделение выделенных контекстов не представляется возможным, планиграфическое их разделение затруднено.

В центральной части стоянки прослежен котлован глубиной около 40 см, размерами 7×4 м, занимающий естественное понижение с хорошо дренируемым грунтом, прикрытое склонами с севера, запада и востока. Заполнение — красноватый песок, насыщенный кальцинированными костями.

На основании анализа материалов, ассоциированных с заполнением западины, и сопоставления со сходным по археологическим материалам и по геоморфологической ситуации памятником Большое Заветное 4 предлагается атрибутировать исследованный объект как остатки жилища эпохи раннего металла (кон. 4 — нач. 3 тыс. до н.э.), связанного с контекстом мастерской по изготовлению изделий из сланца.

Доклад подготовлен в рамках проекта РНФ 19-18-00375 «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов»

Герасимов Дмитрий Владимирович — Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург, Россия (dger@kustkamera.ru)

Ткач Евгения Сергеевна — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия (evgeniia.tkach@gmail.com)

Тараканов Артем Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург, Россия (tarakanovartem@yandex.ru)

Холкина Маргарита Алексеевна — Санкт-Петербургский государственный университет, Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург, Россия (tyttokulta@yandex.ru)

Муравьёв Роман Иванович — Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия (alcesalces243@gmail.com)

АРХИТЕКТУРА КАМЕННОГО ВЕКА ЭСТОНИИ

На протяжении долгого периода исследования поселений каменного века Эстонии (со второй половины XIX в.) разнообразные поселенческие объекты, такие как очаги, следы и остатки деревянных столбов, зоны концентраций археологического материала интерпретировались как остатки наземных построек [Янитс 1959; Kriiska 1996; 2002]. Однако, к сожалению, было невозможно установить никаких конструктивных особенностей этих сооружений. Раскопанное в 1951–1953 в северо-восточной Эстонии поселение Рийгикюла I с двумя углублёнными постройками стало первым примером обнаружения четко определимых и хорошо сохранившихся жилищ для этой территории [Гурина, 1967]. Последующими исследованиями был открыт ряд построек каменного века, относящихся к разным археологическим культурам, датируемых в целом периодом с 5200 до 2000 calBC. Некоторые из них были, в том числе, определены за последние годы не в процессе новых полевых исследований, а по архивным материалам давно раскопанных поселений [Хрусталева и др. 2019, Khrustaleva et al. 2020; Khrustaleva, Kriiska 2021 in press]. Таким образом, в настоящее время помимо сооружений в Рийгикюла, известны ещё 5 углублённых построек: одна на поселении нарвской культуры Kõnnu, по одной на поселениях культуры гребенчатой керамики Jägala Jõesuu V и Ломми III, и две на поселении культуры шнуровой керамики Narva-Jõesuu Pb [Jaanits 1979: 364; Kriiska et al. 2015: 42].

Литература

- Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции) // *Материалы и исследования по археологии СССР*. Вып. 144. Л., 1967.
- Хрусталева И.Ю., Крийска А., Холкина М.А. Пересмотр материалов поселения каменного века Рийгикюла I (Эстония) // *Самарский научный вестник*, 2019. Том 8, № 2 (27). С. 250–262.
- Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.
- Jaanits L. Die neolithische Siedlung Kõnnu auf der Insel Saaremaa // *Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised*, 1979. Ühiskonnateadused, 4 (28). S. 363–367.
- Khrustaleva I., Kriiska A. From the concentration of finds to the Stone Age architecture: Lommi III pit-house in Western Russia. In press, 2021.

- Khrustaleva I., Roog R., Kholkina M., Kriiska A. Hunter-Gatherer Pit-Houses in Stone Age Estonia // *Archaeological and Anthropological Sciences* 12 (2), 2020. No. 56. P. 1–17.
- Kriiska A. The Neolithic pottery manufacturing technique of the lower course of the Narva River. In: Hackens T., Hicks S. & Lang V. (eds.). *Coastal Estonia: Recent Advances in Environmental and Cultural History*. PACT, 51. Council of Europe, Strassbourg, Rixensart, 1996. P. 373–384.
- Kriiska A. Dwelling remains from Stone Age occupation sites in Estonia. Huts and houses. Stone Age and Early Metal buildings in Finland. In: Ranta H. (ed.). *National Board of Antiquities*. Helsinki, 2002. P. 235–239.
- Kriiska A., Nordqvist K., Gerasimov D.V., Sandel S. Preliminary results of the research at Corded Ware sites in the Narva–Luga interfluvium, Estonian–Russian border area in 2008–2014. In: Russow E., Haak A. (eds.). *Archaeological Fieldwork in Estonia 2014*, National Heritage Board. Tallinn, 2015. P. 39–50.

Хрусталёва Ирина Юрьевна — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия; Тартуский университет, г. Тарту, Эстония (irinakhrustaleva@yandex.ru)

Крийска Айвар — Тартуский университет, г. Тарту, Эстония (aivar.kriiska@ut.ee)

Е.А. Кашина, А.В. Емельянов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ЗАПОЛНЕНИЯ КОТЛОВАНОВ ВОЛОСОВСКИХ ЖИЛИЩ БАСЕЙНА СРЕДНЕЙ ОКИ

Крупные углублённые в землю многокамерные жилища являются «визитной карточкой» памятников волосовского круга древностей. В настоящий момент эта проблематика затронута в работах В.В. Сидорова, В.В. Никитина, А.И. Королёва и В.В. Ставицкого. Некоторые аспекты темы волосовских жилищ в рамках данного доклада будут затронуты на частично опубликованных, а также неопубликованных материалах пос. Великодворье I (Шатурский район, Московская область), которое исследовалось Неолитической экспедицией ГИМ в 2000–2008 гг.

Особенности методики раскопок этих объектов (большие объёмы котлованов, невозможность зачистки стенок и дна по контуру в условиях залегания в песчаных слоях, фиксация массовых находок по условным пластам толщиной 10 см и по квадратам 2×2 м) затрудняют их интерпретацию. Однако с помощью даже небольших усовершенствований

методики фиксации находок нам удалось выявить некоторые особенности формирования заполнения котлованов.

Проведение ремонта шлифованных кремнёвых деревообрабатывающих орудий [Кашина 2014] позволило проследить три условных вида расположения связей в пространстве жилищных котлованов: верхний — повреждения отложений пахотой, средний — связи «дно–борт», нижний — короткие связи и связи, расположенные в определённой зоне котлована.

Второй сюжет, тоже указывающий на постепенную (растянутую во времени) засыпку котлована после прекращения функционирования данного жилища при продолжении деятельности (жизни) древнего человека на поселении, связан с анализом расположения в пространстве одного из котлованов набора подвесок из шести правых челюстей куницы.

Согласно результатам обоих исследований, мы имеем дело со значительными передвижениями археологического материала в культурных отложениях котлованов. Они были связаны с антропогенной деятельностью, а также характером вмещающих слоёв и активностью землероев.

Литература

Кашина Е.А. Энеолитические каменные шлифованные орудия для обработки дерева из раскопок поселения Великодворье I (Московская обл.): морфологический и пространственный анализ по результатам ремонта // Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина (ред.). Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. С. 74–81.

Кашина Екатерина Александровна — Государственный исторический музей, г. Москва, Россия (eakashina@mail.ru)

Емельянов Александр Викторович — Историко-мемориальный музей-заповедник «Подолье», г. Подольск, Россия (podolie-fondy@mail.ru)

И.М. Тимушева

НЕО–ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

За все годы планомерных археологических исследований территории Европейского Северо-Востока накопился достаточный материал для изучения традиций домостроительства в эпоху неолита–энеолита.

Полученные в результате раскопок материалы позволяют изучить особенности домостроительства в каждый период.

Какие типы построек существовали в эти эпохи, какие конструктивные элементы использовались, были ли различия в культурном и географическом плане? Является ли домостроительство энеолита ЕСВ продолжением неолитических традиций или не имеет корней в предшествующей эпохе? Что сохраняется в качестве основополагающих элементов, а что уходит в силу конкретных природно-климатических и культурных причин?

Основная цель презентации — показать эволюцию жилищ эпохи неолита–энеолита ЕСВ: выявить основные типы построек, их локальные варианты; отметить традиции и нововведения в технике строительства жилищ, конструктивные особенности, которые сохранились, развились, появились или исчезли в последующую эпоху; определить взаимосвязь домостроительства с климатическими, географическими, культурными факторами.

Тимушева Ирина Михайловна — Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия (timirina1981@yandex.ru)

Е.С. Яковлева

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ

Неолитические жилища в лесостепном Притоболье относятся к группе археологических источников, чаще исследуемым как «вместилища» артефактов, нежели как самостоятельный информативный пласт объектов. Тому есть ряд причин: во-первых, объективное состояние источника, связанное с многократным использованием жилищных впадин, что затрудняет выделение контуров, слоёв и внутрижилищных объектов собственно неолитического времени; во-вторых, неравномерность количественной выборки исследованных жилищ в разных культурных группах. Наконец, типологические характеристики для них совпадают для всех традиций, выделенных по керамике, что затрудняет их использование для построения историко-культурных схем. В то же время сопоставление с жилищами сопредельных территорий позволяет обнаружить некоторые особенности, связанные с утилитарно-адаптивным характером данной группы источников.

Г.К. Данилов

КОЛЬЦЕВЫЕ ВЫКЛАДКИ НАЗЕМНЫХ ЖИЛИЩ ЗАПАДНОЙ ЧУКОТКИ: ОТ НЕОЛИТА К СОВРЕМЕННОСТИ

Кольцевые структуры, оставшиеся после установки временных разборных жилищ, датируются в широких хронологических рамках от финального палеолита вплоть до современности, и имеют широчайшую географию распространения, охватывая целый спектр природных зон.

Данный тип памятников представлен и по всей циркумполярной Арктике. Для Чукотки структуры, оставшиеся после установки наземных жилищ, являются неотъемлемым элементом этно-археологического ландшафта.

Разнообразие форм конструкций в центральной и северо-западной Чукотке не велико. Основную массу фиксируемых кладок составляют следы установки чукотской яранги современного облика. Выкладки имеют округлые, но не имеющие правильной формы очертания, с диаметром от 5 до 8,5, реже 10 метров. Иногда внутри имеется очажная выкладка. Такие формы присутствуют на местах стоянок оленеводов, которые по имеющемуся мусору можно отнести к 1930–2000 гг. XX в.

К остаткам другого типа жилищ можно отнести конструкции, имеющие форму практически правильного круга диаметром от 3,5 до 5,5 метров. В части зафиксированных структур присутствуют закрытые очаги. Объекты этого типа встречаются как единично, так и группами. Силуэт конструкций выполнен как сплошной, так и разряженной выкладкой камнями. Степень археологизации конструкций различена, от сильно задернованных и слабо читающихся, до довольно современного облика, возможно возрастом 50–100 лет.

В этнографических источниках описаны конструкции чукотских яранг диаметром 5–10 метров, что говорит о том, что за последние 200 лет чукотская яранга не претерпела сильных изменений. Выделяющиеся кольцевые выкладки диаметром 3,5–5 метров по своим габаритам схожи размерами с жилищами, контуры которых выявлены при археологических раскопках на Северо-Востоке Азии и в других полярных регионах. Они являются следами более лёгких, каркасных, мобильных конструкций, применявшихся для жилья с эпохи неолита до (возможно) середины XX века.

Данилов Глеб Константинович — Музей антропологии и этнографии им.
Петра Великого РАН (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург, Россия
(gleb.danilov.spb@gmail.com)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ	— Государственный исторический музей
ИА	— Институт археология
ИИиА	— Институт истории и археологии
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
КарНЦ	— Карельский научный центр
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
М	— Москва
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НПП	— Научно-производственное предприятие
НЦ	— Научный центр
РАН	— Российская академия наук
РНФ	— Российский научный фонд
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований
СПб	— Санкт-Петербург
СССР	— Союз Советских Социалистических республик
УрО	— Уральское отделение
ФИЦ	— Федеральный исследовательский центр

Подписано в печать 12.05.2021 г.
Формат 60 × 84 / 16. Печ. л. 2,79.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 863

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел./факс: +7(812) 380-7950.
E-mail: spbcolor@mail.ru

